

исправить положение дел. Более того, по мнению автора, «прояснение в руководящих элементах русского общества идеи ответственности сделалось, вероятно, поворотным моментом в развитии событий Смуты... почувствовав себя ответственными за политический порядок, они не могли не почувствовать себя и хозяевами его»¹.

В статье Яковлева мы наблюдаем понимание и того, что менталитет людей ушедших эпох отличался от психологии современного человека. «Итак, современники Смуты видели источник ее не столько в политических или экономических кризисах XVII века, — вывод, к которому пришла современная историография, — а в „грехах“, в той нравственной неурядице, которой, по их мнению, страдало русское общество»².

В работе автор использовал в основном хорошо знакомые ученым исторические источники: повести Смутного времени, летописные известия и т. д. Но исследователь подошел к уже известному материалу с другой точки зрения, нежели предыдущие историки. Новаторство статьи не подлежит сомнению. Яковлев предложил, используя современную терминологию, историко-антропологическое исследование, ценность которого велика и сейчас. Статья на долгие годы стала обязательным чтением для специалистов по истории Смутного времени. Насколько благосклонно научное сообщество приняло работу молодого историка, свидетельствует тот факт, что, рецензируя книгу Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли», А.А. Кизеветтер упрекнул ее автора, утверждавшего, что Смута не повлияла на общественные настроения, в незнании статьи Яковлева. «Напрасно наш автор не посчитался с прекрасной статьей А.И. Яковлева „Безумное молчание“... где весьма тонко очерчена эволюция общественных взглядов, отразившаяся в записках современников о Смуте»³. Тем не менее те тенденции, которые проявились в данной работе, в дальнейшем не стали определяющими в его научном творчестве.

5. С.В. Бахрушин: формирование научного мировоззрения

Самым младшим представителем данной генерации московских историков был С.В. Бахрушин. Он на несколько лет позже закончил историко-филологический факультет, но с Яковлевым они стали друзьями⁴. С.В. Бахрушину также весьма помогли советы С.Б. Веселовского. Они

¹ Там же. С. 676–677.

² Там же. С. 678.

³ Кизеветтер А.А. Новый труд Г.В. Плеханова по русской истории // Голос минувшего. 1916. № 1. С. 333.

⁴ См. переписку: АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 295.

навели начинающего исследователя на архивные материалы, связанные с историей Сибири, ставшей центральной темой в творчестве С.В. Бахрушина¹.

Бахрушин был выходцем из известного московского купеческого рода². Он родился 26 сентября 1882 г. До 12 лет он обучался дома, после чего учился в лицее в память цесаревича Николая. Интерес к истории в нем проснулся довольно рано: «У меня очень рано стал появляться интерес к истории. Мальчиком я зачитывался историческими рассказами»³. Большое значение для ребенка имела поездка в Херсонес, после которой он увлекся античной культурой. Не менее стимулировали внимание Бахрушина к истории и те исторические пьесы, которые он посетил в театре. Летом 1898 г. в Московском художественном театре он смотрел известную трилогию А.К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», «Царь Борис» и «Царь Федор Иванович». Постановка произвела неизгладимое впечатление на молодого человека. «Художественный реализм постановки не только пленил меня, но он помогал мне избавиться от традиционных трафаретных представлений, приближая меня к пониманию исторической действительности, освобождая от сентиментальной идеализации и от безвкусного приукрашения этой действительности. Я могу сказать, что Художественный театр явился, таким образом, одним из первых моих учителей в области истории»⁴, — вспоминал он впоследствии.

Все это предопределило его поступление на историко-филологический факультет Московского университета в 1900 г. Не все преподаватели пленили начинающего студента. Так, знаменитый В.И. Герье показался студенту слишком формальным и несовременным: «Его лекции напоминали мне произведения академической живописи, где все условно, красиво, рисунок вычерчен с величайшей тщательностью, но души, жизни, выражения нет»⁵. Тем не менее впоследствии историк признавал для себя пользу занятий с Герье. Еще меньше интереса вызвали преподаватели философии, к которой, впрочем, сам Бахрушин не имел склонности, что отразилось на его исследованиях, предельно конкретных и избегающих отвлеченных концепций.

Огромное впечатление на молодого историка произвели лекции П.Г. Виноградова: «Никогда после ни у кого из самых талантливых

¹ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 37.

² Подробнее о роде Бахрушиных см.: Филаткина Н.А. Династия Бахрушиных: эволюция московских предпринимателей XIX — начала XX в. М., 2006.

³ Цит. по: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 16.

⁴ Воспоминания С.В. Бахрушина о Московском художественном театре / Публ. А.М. Дубровского // АЕ. 1997. М., 1999. С. 558.

⁵ Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 163.

преподавателей я не встречал такой ясности мысли, строгости плана, систематичности и последовательности изложения... Виноградов брал источник, подвергал его тонкому критическому анализу и, разрушив усвоенную нами на гимназической скамье традицию, подводил итоги произведенной критической работе»¹. Таким образом, также как и другие представители Московской исторической школы, он попал под сильнейшее влияние виноградовских лекций и семинаров, ставших важной частью его становления как профессионального историка.

Под впечатлением работы с Виноградовым и следуя интересам, сложившимся в детстве, Бахрушин хотел специализироваться на истории античности, но все изменили лекции Ключевского. «Для многих, и для говорящего в том числе, его лекции явились поворотным моментом в жизни, направив их интересы по новому руслу и предопределив ход всей последующей их работы... Это был Сократ русской исторической науки... Для всех последующих русских историков... лекции В.О. Ключевского были тем светильником, который озарял первые их шаги по пути познания нашего прошлого»². Несмотря на это признание, впоследствии, при ломке своего научного мировоззрения, Бахрушин более критически подходил к наследию своего учителя.

Запомнились студенту историко-филологического факультета и занятия с Н.А. Рожковым, бывшим тогда молодым приват-доцентом. Поначалу его спецкурс не заинтересовал Бахрушина из-за своей, как ему показалось, элементарности по сравнению с лекциями Ключевского. Несмотря на оригинальность мысли, по мнению Бахрушина, идеям Рожкова был присущ «провинциализм». Также Рожкову мешало то, что во многом под давлением обстоятельств он никогда не мог окончательно проработать свою концепцию русской истории. Тем не менее Бахрушин признавал, что «у Рожкова много умных и интересных мыслей, и его историческая схема, как она сложилась в его многотомной „Русской истории“, мне кажется, в основе построена верно»³.

Кандидатское сочинение Бахрушин писалось под руководством М.К. Любавского и получило название «Социально-политические стремления московского боярства в XVI веке»⁴. Оно была посвящено изучению общественно-политической мысли времен Ивана Грозного. Работа была написана в фирменном для московских историков стиле: анализ политических идей боярской аристократии проводился через призму классовой сущности боярства на широком социально-политическом

¹ Там же. С. 162.

² АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 2 об.

³ Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 160.

⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 350.

фоне. Безусловно, истоками данного подхода была знаменитая работа В.О. Ключевского «Боярская дума древней Руси».

Сочинение открывалось обширным обзором общих тенденций эволюции Московского государства в XVI в. Следуя традиционному пониманию сущности государственного строя Московского царства, Бахрушин акцентировал внимание на его «военном характере», внутренним выражением которого была установившаяся тягловая система, отличавшаяся высокой степенью централизации и требовавшая непомерных усилий от общества¹. Но Бахрушин не соглашался с популярным взглядом на государство, как на разросшуюся вотчину московского князя. По его мнению, те вызовы, которые встали перед страной, невозможно было решить при помощи устаревшего механизма вотчинного хозяйствования и управления. «Это государство брало на себя очень широкие задачи: оно вызывалось оберегать своих подданных от внешних и внутренних врагов, от неверных басурман извне и от воров и лиходеёв внутри. Для выполнения этой задачи требовались обширные средства, коих не могла доставить государству старая удельная система эксплуатации вотчин как частных владений хозяина-князя»². Такое понимание сущности московского строя хотя и отталкивалось от мыслей Ключевского о двойственном характере власти великого князя, совмещавшего права вотчинника и государя³, тем не менее имело более законченный (хотя и менее объективный) вид. Мысль Бахрушина была ближе к идее М.К. Любавского об окончательном переходе вотчинного мышления в управлении к государственному⁴. Стоит отметить, что такой взгляд на сущность государственного строя Московского царства отличался большей сложностью, чем несколько односторонние концепции, заключающиеся в абсолютизации его вотчинного характера⁵. К сожалению, эти идеи были с «радостью» восприняты многими ангажированными западными специалистами⁶.

Вотчинная система начала формироваться еще в XIV в. и оформилась в общих чертах к началу XVI в. В изображении Бахрушина установившийся социально-политический строй «всюду немилосердно давил все самобытное, все жизнеспособное, все казавшееся ему опасным или неудобным»⁷. Основой порядка стала бюрократия. Несмотря

¹ Там же. Л. 120.

² Там же. Л. 120 – 120 об.

³ *Ключевский В.О. Сочинения...* Т. II. С. 121.

⁴ *Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века.* СПб., 2002. С. 365.

⁵ Например: *Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.* М., 1937. С. 96.

⁶ Например: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 44–185.

⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 120 об.

на гипертрофированную централизацию, Московское государство, по мысли автора, было весьма устойчивым, поскольку соответствовало «органическому развитию страны и общества»¹.

Анализ историографии, посвященной социально-политическому развитию России XVI в., являлся важной частью работы. Молодого исследователя не удовлетворил взгляд Н.М. Карамзина на Ивана Грозного. Бахрушин справедливо отметил, что тот «глядел на Иоанна глазами кн. Курбского»², что не позволило ему объективно подойти к оценке этого исторического деятеля. Большим шагом вперед стали книги С.М. Соловьева. Его мысль о том, что деятельность Ивана Грозного была обусловлена задачами государственного строительства, а не личными побуждениями правителя, привлекала молодого историка. По мнению Бахрушина, концепция Соловьева «является наиболее цельным, наиболее близким к истине, хотя... и она страдает некоторой односторонностью, некоторыми неточностями»³. Автор среди таких неточностей указывал на представление Соловьева об целенаправленности деятельности царя и на то, что боярская оппозиция носила узко-сословный характер. Более адекватное понимание устремлений бояр Бахрушин находил у Ключевского и Милюкова. Ему импонировала идея, что «в основании боярских притязаний лежала именно удельная традиция, но под влиянием исторической эволюции значительно переработанная»⁴. «Действительно, — пишет исследователь, — в середине и конце XVI в. поздно было говорить о борьбе с удельными порядками... Московский государь имел дело не с сепаратистскими тенденциями удельных князей, а с неудобными для него правительственными требованиями их потомков»⁵. Более того, по мнению автора, оппозиционные настроения охватили не только боярство, но и все общественные классы: «Русская жизнь... боролась против Московской кабалы»⁶. В общественных настроениях недовольство выражалось сначала в еретических религиозных движениях, а к середине XVI в. приобрело отчетливый политический вид.

Таким образом, недовольство боярства, в концепции историка, было лишь вершиной айсберга, но, как и всякая вершина, она отражала и то, что происходило в низах. В осмыслении места боярской аристократии в русском обществе Бахрушин категорически не принимает взгляда историков-государственников об отсутствии в России аристократии за-

¹ Там же. Л. 121 об.

² Там же. Л. 124 об.

³ Там же. Л. 129 об.

⁴ Там же. Л. 136 об.

⁵ Там же. Л. 137.

⁶ Там же. Л. 140–140 об.

падного типа. Сравнение наводит его на мысль о значительной схожести российских вотчинников с западноевропейскими феодалами. В этой мысли отразилась одна из тенденций отечественной исторической науки, направленная на ревизию концепции особого исторического пути России и рассмотрение его в контексте общеевропейской истории. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в работах Н.П. Павлова-Сильванского и Б.И. Сыромятникова¹. Но автор подмечает и значительное расхождение в положении отечественных и европейских землевладельцев. Он указывает на служилое положение аристократии, ее зависимость от «государевой службы»². «Это была аристократия, но аристократия мертворожденная, со всеми свойственными высшему сословию недостатками, без одного из его качеств»³, — утверждал Бахрушин. Таким образом, боярство не могло составить реальной конкуренции царской власти. Ее оппозиционность была направлена на личность царя, но не на само устройство государства. Мешала этому и внутренняя разобщенность класса. Двойственное социальное положение боярства определило и его общественно-политические устремления: с одной стороны, оно защищает свои удельные вольности, а с другой — «заботится о частичном переустройстве строя в интересах службы»⁴. Именно на этой почве и выросла обширная «публицистика» (в средневековом смысле), обслуживающая боярские интересы.

Исследователь выделил четыре наиболее значительные темы, которым были посвящены полемические сочинения идеологов аристократии. Литература «во-первых, защищала землевладельческие интересы служилого сословия, во-вторых, работала над созданием исторической схемы... в-третьих, популяризировала собственную программу политических и социальных реформ и, наконец, отводила много места личным нападкам на представителя верховной власти и моральным обличениям»⁵. При этом, по глубокому убеждению автора, до нас дошли лишь остатки той обширной литературы, на которую была богата эпоха⁶. Основным источником идей для отечественных сочинителей XVI в. автор признает западное влияние. Тем самым он следует за популярной для современной ему историографии концепцией о зависимости русской культуры от европейского влияния.

¹ Муравьев В.А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в.: Дисс. ... канд. истор. наук: Рукопись. М., 1969.

² АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 150–161.

³ Там же. Л. 163.

⁴ Там же. Л. 173.

⁵ Там же. Л. 173 об.

⁶ Там же. Л. 200.

В ходе разбора известных на тот момент источников Бахрушин остроумно решил множество частных вопросов. Так, например, в споре о достоверности известий Курбского он принимает идею о близости сообщаемых им сведений к действительности. Но при этом добавляет важную мысль о том, что нужно обращать внимание не только на фактическую сторону его сочинений, но и на ту окраску, которую им придает опальный князь. Именно в оценочной стороне работ Курбского лежат наиболее спорные места¹. Большой интерес представляет рассмотрение биографии Курбского как типичного представителя московской знати того времени. Такой подход получил в современной историографии название метода контекстной биографии.

Основную часть исследования составил анализ отношения авторов сочинений к тем или иным злободневным для них вопросам, к которым относился, например, спор об отъезде от князя, отношение к верховной власти, местничество и т. д. Изучая «политическую платформу» аристократии, представленную в литературе, историк подчеркивает, что «выступая в защиту своих удельных вольностей от московского закрепощения, знать терпит полную неудачу. Действительно, оберегая от произвола отрывки устаревшей сепаратистской идеологии, она не чувствует под собою почвы и отдается в кабалу личную и имущественную...»². Это подтверждают и те идеи, которые высказывало боярство в лице своих публицистов. В них не прослеживается стремление к переустройству существующего строя.

Таким образом, Бахрушин на примере политической публицистики стремился показать упадок боярства как самостоятельного общественного класса. В его понимании, нельзя преувеличивать ту опасность, которая исходила от аристократии. В этом он следовал за концепцией своего учителя Ключевского, также считавшего, что боярство отличалось практически полным равнодушием к своим политическим свободам³. За сочинение Бахрушин получил от М.К. Любавского высшую оценку «весьма удовлетворительно».

Впоследствии в своем этюде «Как сложилось мое историческое мировоззрение» историк писал, что «Московский университет дал мне хорошую школу критики источников. Это была не шахматовская критика, углубленная и тонкая, запутывающаяся, как кружево, в изящном сплетении перекрестного допроса рукописных редакций... Критический метод, вынесенный мною из аудиторий Московского университета, был более рационалистичен, менее мелочен, строился на более широких

¹ Там же. Л. 194 об.

² Там же. Л. 238–238 об.

³ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М., 1902. С. 285–286.

общих основаниях; он был менее глубок, зато и менее мелочен...»¹. Однако, по мнению Бахрушина, университет не дал ему «общего исторического мировоззрения», которое пришлось формировать самостоятельно.

Сразу после успешной сдачи экзаменов Бахрушиным М.К. Любавский пригласил его остаться для приготовления к профессорскому званию на кафедре русской истории, он же и стал формальным руководителем молодого историка. При подготовке к магистерскому экзамену ему пришлось проработать огромное количество литературы и источников. К каждой работе он подходил критически, несмотря на звания и авторитет авторов. Прежде чем читать литературу по той или иной проблеме, Бахрушин взял за правило сперва тщательно ознакомиться непосредственно с источниками и сформировать собственный взгляд по изучаемым вопросам. Стремление к самостоятельности суждений станет впоследствии важной чертой научного почерка ученого. По его воспоминаниям, со стороны своего научного руководителя, М.К. Любавского, он не встретил никакой помощи при подготовке к экзаменам. Значительно большую поддержку оказал специалист по всеобщей истории Д.М. Петрушевский. Именно он знакомил историка с новейшими теориями, проявив искреннюю заинтересованность работой магистранта. «Более отзывчивого, мягкого и искреннего человека я редко встречал... постоянное, в течение ряда лет, научное общение с ним дало мне очень много, а то влияние, которое он оказывал на своих учеников, в том числе на тех из них, которые специализировались по русской истории под моим руководством, свидетельствует об очень большом педагогическом таланте»², — вспоминал Бахрушин.

Днями напролет начинающий историк, готовясь к испытаниям, занимался в библиотеке Румянцевского музея. Именно здесь он познакомился с Готье, Яковлевым и Веселовским, уже достаточно хорошо знавшими друг друга. Так окончательно сформировался круг московских историков — выпускников Московского университета, которых можно назвать «младшим поколением Московской исторической школы». Их деятельность проходила на некотором удалении от более старшего поколения учеников Ключевского и Виноградова. Данное неформальное научное сообщество будет продолжать свою научную деятельность на протяжении двух десятилетий, пока его не разрушат обстоятельства, не имеющие прямого отношения к науке.

На первых порах Бахрушин активно занимался общественно-политической деятельностью. Он избирался в Московскую городскую

¹ Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 164.

² Там же. С. 155.

думу три раза с 1909 по 1917 г.¹. О своей работе историк оставил интересные заметки и воспоминания². Он подробно описал ход выборов в 1909 г., отметив различия партийных пристрастий в зависимости от московских районов. Значительную роль играли «громкие фамилии», к коим и относился сам Бахрушин. Сам депутат не без иронии впоследствии вспоминал: «Я чувствовал вокруг своей головы ореол от блеска моей фамилии... На предвыборном собрании с обеих сторон произносились колкие и укорительные речи, дебатировались программы, вопросы, когда поднялся высокий, седой как лунь, старик в длиннополом сюртуке и в нескольких словах нравоучительным тоном рекомендовал выбирать „таких людей, как Бахрушин“: он меня не знал, не имел никакого представления о моих качествах и недостатках; он видел во мне лишь представителя той породы людей, которых „надо“ выбирать, и кои по своему положению призваны исполнять функцию гласных...»³. Большой интерес в воспоминаниях представляют и характеристики самых заметных членов Думы: Н.И. Гучкова, брата лидера октябристов, земского деятеля Д.Н. Шипова, Лидии Арманд, первой женщины в Думе, и т. д.

Подводя итоги деятельности городской думы созыва 1909–1913 гг., Бахрушин считал, что «отмечен могучий рост муниципализации предприятий общественного характера...»⁴. При этом историк вынужден был признать большое количество нерешенных проблем. Выходом из сложившейся ситуации, с его точки зрения, была коренная перестройка существовавшего аппарата, которая могла бы еще более усилить его демократизм⁵. Кроме того, историк ратовал за необходимость более спокойной общественной обстановки для работы думы. Его не устраивали те политические баталии, которые проходили в думе между радикалами и умеренно настроенными: «Партийность, разделившая Думу на два враждебных лагеря, создавала атмосферу, не позволявшую часто правильно оценивать и разрешать вопросы»⁶. Сам Бахрушин, очевидно, относился скорее к умеренному лагерю, хотя его и причисляли к левым кадетам.

Активная общественная деятельность мешала научной работе. Единственной заметной научно-исследовательской работой, опубликованной в дореволюционное время Бахрушиным, стала статья «Княжеское

¹ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 495.

² АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 69. Еще один экземпляр хранится в: ЦИАМ. Ф. 2263.

³ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 2.

хозяйство XV и первой половины XVI в.», вышедшая в «Сборнике статей в честь В.О. Ключевского» в 1909 г. В статье подробно, с привлечением нового фактического материала, рассмотрены механизмы функционирования княжеской вотчины. Автор выяснил, что в XV в. наблюдается значительное сокращение несвободного населения и привлечение независимых оброчников. Ученый связывал это с общей децентрализацией княжеского хозяйства, приведшей к необходимости привлечения дополнительной трудовой силы¹. Историк подчеркивал исключительно натуральный характер владений, где на продажу шла только соль. В конце XV в., по наблюдениям Бахрушина, княжеское хозяйство вошло в полосу кризиса, вызванного общим упадком земледелия и задолженностью князей в результате их неумения рационально вести хозяйство на фоне роста товарно-денежных отношений. В результате кризиса произошла очередная мобилизация земель, позволившая московским князьям поглотить удельное княжеское землевладение². Статья молодого историка сразу обозначила его интерес к социально-экономической истории и привлекла внимание в научной среде³.

6. Взаимоотношения Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина

Представители «младшего поколения» Московской исторической школы начинали свою научную карьеру в сложных историографических условиях. На таком фоне происходит объединение выпускников Московского университета разных лет в более или менее сплоченную группу. Знакомство Готье с Яковлевым происходит в Московском университете, где последний начинает преподавать после сдачи магистерских экзаменов. Между ними установились хорошие отношения, и, как уже говорилось, Готье содействовал приглашению Яковлева работать в Румянцевском музее, куда он поступает в качестве заведующего читальным залом 1 мая 1906 г.⁴ В то же время в читальном зале интенсивно по 10 часов в день готовился к сдаче магистерских экзаменов Бахрушин. Именно там он познакомился с Готье и Яковлевым, а общие учителя и интересы быстро сблизили молодых ученых. Яковлев способствовал знакомству

¹ *Бахрушин С.В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Бахрушин С.В. Научные труды: В т. II. М., 1954. С. 40.

² Там же. С. 44.

³ *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время... С. 36.

⁴ *Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1906 г. М., 1907. С. 10, 112.*